

ИРИНА МАШИНСКАЯ

РАЗНОЧИНЕЦ ПЕРВЫЙ СНЕГ
И ДРУГИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА "СТОРОНЫ СЕВЕР"
НЬЮ-ЙОРК, 2009

ИРИНА МАШИНСКАЯ
РАЗНОЧИНЕЦ ПЕРВЫЙ СНЕГ
И ДРУГИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

IRINA MASHINSKI
RAZNOCHINETS PERVYI SNEG
AND OTHER POEMS

В оформлении книги использованы фотоработы автора.
Компьютерная обработка Олега Вулфа.

All rights reserved.
© 2009, Irina Mashinski.

No parts of this work covered by the copyright hereon may be reproduced or copied in any form or by any means — graphic, electronic, or mechanical, including photocopying, recording, taping, or information storage and retrieval systems — without written permission of the author.

Купить эту и другие книги, опубликованные издательством, а также последние номера журнала “Стороны света” можно в интернете на сайте www.stosvet.net, или отправив электронное письмо по адресу books@stosvet.net. По этому же адресу можно сделать заказ на макетирование и издание книжной продукции.

ISBN-10 0-9820065-3-5
ISBN-13 978-0-9820065-3-5

ИРИНА МАШИНСКАЯ

РАЗНОЧИНЕЦ ПЕРВЫЙ СНЕГ

И ДРУГИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

СТОСВЕТ
БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА 'СТОРОНЫ СВЕТА'
НЬЮ-ЙОРК
2009

I. ЗАПАДНЫЙ ПОЛЮС

То что было со мной...

То, что было со мной,
стало нынче не мной.
Скоро будет какой-то рассвет.
Вон, как снег, изумленно
блестит под луной
голубой, голубой антрацит.

Как ресницы, ночной
загибается ветер —
это неба глубокого фетр.
Вот последняя миля —
смелее, смелей,
вот последний сквозной километр.

Это мятая туля, —
и кобальт ее,
и широкие с ворсом поля.
А по краю петит —
просто ковш наклони —
и полярная крупка летит.

Улыбка. 24 декабря 2003 года

Улыбка, выдолбленная в лице
    глубокая лодка,
качается у скалы
    лодка-скорлупка.

Ты покачиваешься у скулы,
скрученный хрупко
    листок, свернутый, как ладонь,
горстью, кротко.

(Так в деревянной болванке нож
    найдет набросок —
    так, пока еще никому
не нужный обрезок,

    робкая первая проба вод,
    быстрая лепка,
выпавшая ресничка — вот
    и закрылась скобка).

Лицо лежащее, как залив,
    белым сколом.
Тише пепла, нежней золы
    отзыв скулам,

    шлюпка ищущая корабль,
    — на ущербе
    улыбка, гулкая колыбель,
свет в пещере.

Лодка, на рассвете

Драгине Рамадански

Скороговорка, сороконожка ...Жива, каурка?
— жива, конечно, жив, жив курилка, куда ему деться?
Еще тарелка цела из детских — хоть поцарапано
цветное донце — вот: цело — сыпется — полотенце
бабушкино, светится, желтое, на живую нитку,
которую ее пальцы... — я к щеке его прижимаю —
так, шов нащупав, родную строчку, так просыпаешься
снова, снова: переплываешь ночную речку и
настигаешь себя, как слово — чудом опять — в свою,
как в тапки, попав скороговорку (свернуть его — и
под стопку крайнюю, в темень на верхней полке) —
передвигаешь из строчки в строчку — так, себя же
перебивая, из строчки в строчку перебегая, все в той
же позе в окне, кивая — жизнь! ты ветка в окне нагая,
старая новая вещь нагая, с меткой ветхою бельевою
35-247, так в сизой комнате с сильным днищем лишь
знакомое сердцу ищем

Фильм

Воздух дырчатый и улицы-закладки,
черный сахар, колотый кайлом,
и арифметической загадки
головокружительный излом.

Старый сахар с искрой в каждой лунке,
черный майский лед в углу двора!
Метра два нетерпеливой пленки
или только метра полтора...

Жизни оползень тут начался когда-то,
чернью на текучем серебре:
под галошей грязные караты
и лопата снега на траве.

Космос — это кучи льда и угля
свалены у северной стены.
Угол солнцем траченного дубля.
Я смотрю из брошенной страны.

Ода

Ты еще, как чужая, смеялась:
мол, не ведаем — вот и творим.
Но уже, как бумага, сминалась
моя жизнь перед взглядом твоим.

Ты не будешь ни зваться, ни сниться,
я не знаю в тебе ни аза —
лишь в кристалликах соли ресницы,
и в хрусталиках сини глаза.

Нас грузили на станции, дома,
нас остригли с тобой наголо.
Ты похожа на мальчика, Ното,
не похожа ты ни на кого.

Это были цветочки, виньетки,
бирюзовых небес купорос .
Но цеплялись уже вагонетки
и неслись, веселясь, под откос.

Нагружалось мерной тревогой
то, что раньше грузилось виной.
Всю меня ну, бери, а не трогай,
у тебя так со мною одной.

Я не встречи боюсь безрассудной,
не разлуки слепого нытья,
не разборки подробной и нудной,
ни забвенья, ни памяти я —

ты не будешь ни сниться, ни зваться,
только рельсов блеснет лезвиё.
Бесполезно отыскивать в святцах
онемевшее имя твое.

Ты дала мне такую свободу —
не доверишь перу, топору.
Я тебя никогда не забуду,
имя ношеное не подберу.

В краю, где трудно сказать «еврей»,
поднимается ветер тугих дверей,
край земли начинается над головой —

и если и ждут меня, то лишь листва, стволы,
город как локти ставит углы —
снизу серый — и сразу вдруг голубой.

А за городом время после дождей,
глина кисельная в сто свечей
светится, как нигде.

Там запрягают долго и никуда
не едут. Там на дворе вода.
Там «расступись» не говорят воде.

Где тяжело человеку и хорошо стрижу.
Где я себя не вижу, — тебе скажу, —
и в этом нет ничего, нет ничего —

там, пока не рассвет — не отопрут засов.
Там еще пять часов шесть часов.
Ты спи — я начеку.

А по рельсам руслам вниз течет молоко
тумана: мелко, и вдруг потом глубоко,
в нем, далеко, как люди, идут фонари.

Там лес еще не разлепил ресниц,
хочешь — стой перед ним, хочешь — падай
ниц,
хочешь — зажги свечу, хочешь — сам сгори.

Вражда

Когда пойду на Белую Орду,
где твердая вода
и узкие свои ворота
мне отворит Орда,
и я скажу легко и веско: су.
Был долгод мой разбег.
Я шапку страшную несу
тебе, как хан Узбек.

Гляди, река заснула на ходу
над нею туч слюда,
а я веду свою вражду,
как твердая вода
щитом идет на лежбища травы,
как я иду на ты,
под стягами моей, уже
ненужной правоты —

туда, где можно вытерпеть — вдвоем,
где ласточек чета,
где травит беглый окоем
горячая мечта.
Как ни царапай сердце лес — в лесу
нам жить теперь, друг мой,
на отчуженья полосу
приду я, как домой.

Вот идет

вот идет за снегом снег
вот идет за дымом дым
вот идет за новью новь
вот идет за далью даль
вот идет за мифом миф
вот идет за нифом нуф

вот идет один саддам
вот идет еще саддам
это им не по зубам
даме говорит мадам
вот он враг за градом град
это холмы это снег

вот ползет разведчик лед
вот с горы сползает плед
вот поют печаль юдоль
вот плывет за далью даль
вон течет за новью новь
вот он точит сердце март

вот идет родной народ
вот идет дурной народ
вон идет за сонмом сонм
вот уходит всякий сон
вот во тьме поет комар
вот идет за миром мир

~

Олегу Вулфу

Разночинец первый снег
всячины поверх —
сквозь рубаху из прорех
смотрит тело сильное земли.

Это снега нигилизм
говорит: я есмь.
Полна света пустота,
светослепота.

Как впервые нас одних
вдруг оставили детей —
одинок, как первый снег,
ровный свет зальет глаза.

Но ветвится новый куст
сам по себе, сам.
Он растет себе — и пусть
ему нужно к небесам.

Что дано — уже дано,
нам не стоит ждать чудес.
Вот железополотно
перед глазами здесь.

Это исповедь — себе,
самому себе,
чрево белое кита,
слепоглухота.

Вот и волю наголо
обрили под ноль,
там вверху овал гало
а в нем никого.

Зеленые стихи

На жердочке качаясь, какаду
ведет существование от Адама.
— Я дочь, — кричит, — я человек, я дама,
зачем я в такт никак не попаду?

Закат сегодня зелен, как в аду,
на чьей картине — вспоминать не надо.
По теплomu в скорлупке авокадо
я осторожно ложечкой веду.

• • •

Сны в тропиках! Как будто в гамаке —
полубогиней, полубогдыханом —
под чем-то изумрудным, бездыханным-
и с косточкой горячей в кулаке.

На небе сполохи, какие-то хвосты,
и пальма в ступоре торчит, топыря пальцы...
Сны севера, угрюмые скитальцы,
спускаются неловко с высоты.

Там небо — лик, и бледное чело
касается закатного оклада.
Прости других, себя прощать не надо.
А я и не прощаю ничего.

Ли Цы и Ли Цо

Ли Ци
безлицый
на снегу улицы

Ли Цо без лоций, но
как циркуль стоит
в рубке

твердо стоит
Ли Цо
крепко

шатко бредет
Ли Ци
кратко

в темную воду летит
снежок
краткий

Ночью смотрю на восточную стену

сатиновый снег
платиновое окно

Ночная песня

М.Игнатъевой

Куда это? Ах, на уроки.
В кассетнике песня одна
звучала весьма караоке
и слева скользила луна —

как чья-то улыбка во мраке,
на черной зернистой земле.
Алмазные алые знаки
сверкали на правом стекле.

Елозила ночи суконка,
стирала с окна чернозем.
Знакомая бензоколонка
не знала, кого мы везем.

Наверх заскользила улыбка —
я вниз отвернула окно.
Вторая и первая скрипка
играли примерно одно.

Заправщик Махмуд из Карачи
спросил, отчего я бледна...
А я ему: да — и короче,
уже она слишком длинна.

Месяц растущий

— гавань небес
кобальта и сиены
ты выскальзываешь на бис
из глубины сцены —

тихая первая проба вод
быстрая лепка
волн под тобою, скорлупка — вот
ты, улыбка

Стихи для детей

И наконец он вышел из тумана,
чуть приבלатненный, с видом короля.
Из правого нагрудного кармана
наборный вынул ножик: вуаля!

Он раньше находил их постоянно —
один за лето, минимум, а то —
и два, и три. Теперь он постарел, но
не надевал ни шляпы, ни пальто.

Как быстро шел он коридором власти,
из этого конца пространства — в то
крыло небес уже вороньей масти,
спускался вниз и отпускал авто.

Он был и сам похож на перочинный,
на тусклое внезапное перо.
Он был нулем — и скоро беспричинно
он превратится в полное зеро

Заря в городе

Л. Пани

Выкатывается с востока
и озаряет на ходу
трубу, верхушку водостока,
кусочка крыши наготу.

Как мебель, сдвинутая в угол
при переезде — город Н.
Но розовеет окон google!
На тумбах тающий Роден

осмысленные очертанья
приобретает вряд ли зря,
и тает тайна, точно тайна,
и удаляется заря.

Дома топорщатся, как триптих,
трещат сугробов короба.
И тут оттаивает критик
и бу-бу-бу, и ба-ба-ба

Двум поэтам

До свидания, суровые, до свидания, толковые.
Плывет айсберг, прочь божовый откололся, уплывает топорок.
Впереди — глядит — ни льдинки: глади, глади, воды голые,
позади — ледовый купол, сверху маковый пирог.

— То Москва-роженница многоброва разломиться готова,
снежным валом городище, черным рвом обнесено.
А найдется мне родное — всегда хмуро, сурово,
я меж ними слабое звено.

Кто от целого отломится — тому полслова не обломится.
Разломился маковый, на лед просыпал мак.
А затрещали ворота, раскрылась пословица —
кому не сиделось — остаться не смог.

Удаляется ледник, слепит глазурь Василия,
уплывает обливной, сверкает — вон вы где!
Плоть от плоти ваших сил — мое блаженное бессилие,
горячо ему, осколку, в черной воде.

На границе

Г. Кружкову

Ноябрь, невеста в стеклянном гробу.
Просьшая крупу —
из подъезда — на свет — и наружу!
Ботинка носком — вот сюда — осторожно — слюду,
эту хрупкую лужу.

Все, тихо! Подходим к границе.
Граница в изысканной мгле.
Знакомая ветка висит в леденце-хрустале
и хрусталики ока ломают косые лучи,
словно спицы —

чтоб, руки расставив — как планер
— по выпуклой глади —
— по тверди! —
скользил тихоход, а под ним — облака, набегая,
как дети, все ближе граница, все мельче
голубая, в морщинах, вода.

Присутствие

Один — что снадобье, что миру мумиё,
другой — как на забор идет бодливо — и тпру, и ну, взрывая перегнутой —
и комья нервные направо и налево,
с корнями и травой —

и все связалось вдруг и назвалось.

А тихое присутствие мое
не вызывало ни шторма, ни прилива,
и ничего пока не взорвалось,

и слава Богу.

Шесть (нет, семь) отрывков

А.Сумеркину

1. Портрет ветки

Посмотри наверх — вон,
вон она скользнула

а за ней другая

смотри не моргая

2. Портрет

Трудись, мне говорили. Я тружусь
Я тороплюсь, не торопясь, как папа
наказывал

Ты, — говорил он, — шляпа!
Какая же я шляпа! — говорю

3. Опять почти без названия

Со мною вы, мои труды и пни,
пруды и дни в подслеповатой чаще —

меня *такой живой и настоящей*

вы знаете одни

4. Из Гете

и от созвездий
устать впору —
как от известий
бежишь в гору

под ноги глянешь
полюбишь глину
вниз гляжу
и люблю долину

5. Из поэта

Ну, жил, как жил
Ну, долго жил и точка
Осталось там?

Да вроде как моточка
два-три
ну, этой, пряжи

Какой, скажи?

«Скажи, скажи». Не скажет
Вот разматается — и сразу на пол ляжет

Свяжи. Нет, развяжи. Да нет же...
зачем так туго?

Кто это пряд?

Кто это пряд, небось не взятки брал —
но вышло хорошо и даже длинно

6. Из другого поэта

Вот небо, синее с исподу,
вот сверху — черное до дна.

    Не пой же, дева, про свободу,
она другому отдана.

7. Посвящается подписи

Я расписываюсь так
и так
и вот так
потому что пуст,
а то полон,
то пуст мой верстак.
Вот моя подпись маленькая,
а вот — вот какая,
а вот печальненькая

Моя фамилия с русалочьим хвостом
со мной беседует, признаться, не о том,
в чем ей бы захотелось признаваться.

Но синяя сверкает чешуя,
раздвоенное на конце блестит ая.
— Какая глубина ей отзовется?

Ловите вволю — выскользнет легко,
неважно, хоть Гвидон или Садко
или с садком сидит любитель рыбы,

но отодвинетесь — и к вам она прильнет,
лучом звезды сквозь толщу вод кольнет
под нежные нетронутые ребра.

В середине ночи посреди реки,
царапаясь о ржавые крюки,
едва плеснув, появится в передней.

О, не зефир она так жадно пьет,
когда холодный бакен обовьет
с пупырышками краски прошлогодней.

Там черный горб плывет, и из горба
так музыка горячая груба,
певица так косит под Дженис Джоплин!

— над бездной неглубокой, но родной,
идет, идет Титаник, сорт второй,
вдоль берега, где крест полуутоплен.

Но чем глупее, может, тем сильней
та песенка сжимает сердце ей.
Она вдохнет — и вынырнет у борта,

дотронется — и рядом поплывет,
уводит вверх, от океанских вод,
от глаз тяжелых масляного morto.

В рассветном жемчуге, за ними, но без них,
в опасной близости от вспышек и шутих,
танцующих, шатающихся палуб —

с запястьем, перевитым голубой
травой придонной, с бедною, любой
волной всклокоченною, падающей на лоб —

— плыви, плыви,
я буду ангел твой.

Г. Стариковскому

— Ибо любая вода,
в тысячу ватт закат —

Понт:
горизонт
тем и чреват.

Знак бесконечности: бант,
дельты атласных лент,

глин
голубых
кожа, ладонь

дна, где любой — Гераклит,
скороговорки рек:

грек
или рак —
оба рекли.

В волнах

Мне сегодня, дураку, дурново.
Поделом мне, дураку, говорю.
    Пестрога какая тут, карнавал
парусов и больших кораблей.

Вон волна какая — словно волан,
с пенной сеточкой волна, с бахромой...
    Как без нас уплывал караван
за палящею, за вязкой хурмой!

И любой теперь бархан будет — рок,
и горбы идут, горбы, как судьба.
    Вот теперь тебе, дурак, и урок —
и урюка тебе фунт, голытьба.

(Усмехается тут кто? — я сама!
Я сам-друг и сам дурак без ветрил.)
    — Не сходи ты, — говорил же, — с ума!
Я не помню уже, кто говорил.

У бортов огромных как дурново! —
Поплыву меж досок и пенных риз.
    Сверху — гипсовой волны арт-нуво —
вверх и вниз я поплыву, вверх и вниз.

Не с лепниной, крутолоб, потолок,
не тяжелой — узоры — стены:
    я в глаза ей загляну, поплавок,
наклоненной не ко мне глубины.

Хорошо мне, дураку, без руля!
Потеряла я тебя, рулевой.
    Как вода, меня качает земля,
нетяжелый поплавок полевой.

В поле

Пришей пуговку обметай петельку.
Стоит пугало среди поля
как само себя видит в телике.

Мимо трейлеры фуры, тракторы,
трАх-гах, трАх-гах-гах мотороллеры, —
а в фарватере в пыльном ветере

стоит пугало пять пуговок:
одна в две дырочки три в четыре
а одна с обломанным уголком от наволоки.

После полудня туч наволокло —
наволок волов всадников голов —
на восток несет стадом войском.

Как пажааалустаа — эхо донеслось
ворон кинулся Но не пролилось ничего —
поле сжалось да лес придвинулся

2006

II. НОЧНАЯ ТРАВА

На тему Бредбери

Зачем стишок я сочинила?
Зачем я карандаш чинила?
Зачем чернила разлила? —
В сугробе пальма расцвела,
и на руках моих чернила.

Вот март явился из потемок,
стоит за дверью, как потомок
в кембрийском венчике хвощей.
Хоть как убог, хоть как негромок —
ты нарушаешь ход вещей.

Промолвишь “о”, утопишь клавиш —
ты не фигуры переставишь,
а свет и тень на тень и свет,
такую тень, что свят-свят-свят,
какую никуда не сплaviшь.

А тот, кто нами сбит, обманут,
чью память чтить, поди, не встанут?
Кто там ютился на полу
имел семью, еду в углу? —
Недаром Брэдбери помянут.

Так кто же дал нам это право?
Молчание твое лукаво.
Не вмешивайся и тай, —
сказал поэт. А от струи
кастальской — поверни направо.

Так нет же, он охоч до знака!
— Замри, стило. Свали, писака! —
Да он не слышит ничего!
Кроту и ласточке его
он выход завалил, собака.

Нет, буду нем. Я буду рыба.
Я буду так (поэт, спасибо!):
“Моей не будет тут ноги”.
Все, я снимаю сапоги.
Как говорится, либо-либо.

...Я не нарушу дня завесу.
Сестрой не веку буду — лесу.
Так, завернувшись уголком,
киномехаником влеком,
двуликий лист неведом весу.

Ручей, впадающий в прохладный узкий пруд,
хвощи, вьюнки в подслеповатой чаще,
косящий берег, стебелек торчащий —
когда вы развернулись на восток?
Я не заметила, как длинный день истек
и вытек в океан, слегка горячий.

Вы, папоротники, вы, хвощи и пни,
заждавшиеся моего прихода.
Как долго были без меня, одни!
Но вот я здесь, и стали вы «природа»,
и тянется счастливая подвода,
и я гляжу на вас, несчитанные дни.

Как долго длится третий акт! — и тут
не твердь перевернется кверху днищем
— блеснет и треснет, дуб исторгнет «Брут!»,
грозою рассечен до корневища..
Опаздывая, гром приводит тыщи,
Но главные герои все умрут.

А я гляжу, но больше не дивлюсь.
На озере наемни птицы дрались.
Я тоже прячусь и к тебе клонюсь,
осока узкогрудая vulgaris.
И на меня те хляби низвергались.
День удлинняется, я с тенью удлинюсь.

Все в униформе, гуси полетят,
я поднимусь за четкими полками,
с такими же, как лапки, сапогами,
или рябиной — встану в четный ряд,
рябиною, с плодами невпопад —
и погребу неловкими руками.

Н.

Петр и Павел день убавил.
Светлячок летит без правил.
Кто-то умер в этот миг.
Может, это был лисенок,
может, это был лесник.

Я лежу в траве, так надо,
в темноте, почти что, сада,
надо мною ель — как ель,
у меня одна цикада,
не цикада, а свирель.

Кто свистит и кто стрекочет —
времени ценить не хочет,
потерять боится нить.
Он, как кречет, рвет и мечет,
если чуть поторопить.

В полдень окна бьют тарелки,
в полночь тик-так это стрелки
тихо движутся в траве,
тише газовой горелки —
хорошо, их только две.

Но рассвету их стаккато
пиччикато, пиццикато...
— О, не заходишь, поэт.
На безмолвный виновато
смотришь снизу силуэт:

это ель моя, с наклоном,
нечувствительна к уронам,
тем похожа на старух,
что не внемлет метрономам.
Это абсолютный слух.

Говорят вам: Петр прибавил,
а убавил точно Павел.
Было медь, а вот и жечь,
а потом заря и пепел
кроме жизни-смерти есть.

Новолуние

С.

Вот и вошло
тусклого золота выгнутое из ножен
вынуто
как и обещано, слева,
выложено по черному ситцу.

Вот и покрылось,
как и завещано,
гласными всеми что есть именами,
вот и раскрылись,
рассыпались по небу святцы.

Вот и неважным
стало: «никто мне не нужен».
Ходит волной за стеною
смутно знакомое, слева, бьется, как о волнолом,
но слово какое случайное кажется: «сердце»!

Вот наклонилась,
в узкое горло жизнь пролилась —
но ничего не наполнилось
и наполовину
не сдвинулось, не изменилось

с нашим приходом-уходом —
тварью небесной
легкой-тяжелой, с бурым ли алым ли крестным
тусклым исподом
с такой-то судьбой ли укладом.

Что означало
«верю», к примеру, «не верю» —
если всю темную билось о волнолом,
в непрозрачную стену, но выгибалась, не
поддавалась стена
дома с единственной дверью?

Луна

какая нынче! будто жар у ней

Ночь

Трава нетерпелива под стопой —
так неродившийся толкает с нежной силой.
Потише, — скажешь, — что ты, Бог с тобой,
я чувствую, и этого — хватило.

Но нет, не унимается. Права
качает, как ребенок, больно,
и хочет сквозь меня расти трава —
и вверх, и вниз — и прямо! не окольно!

Невидимое солнце-колесо
и там, внизу гудящее, земное.
Куда же ей, и вправду, коли всё —
в светилах двух, загроможденных мною?

Ступни и корни — все тебе, трава!
Вяжи, вьюнок, точи ножи, осока.
Давай, раз-два, покуда я жива,
пока я мякоть — протыкай до срока.

Комната на закате

На диван свернешь — не спится.
На обои пыль садится.
Книгу выберешь — не та.
Золотая от заката,
на стене дрожит верста.

Летний день длиною бредит,
кто-то дальний к нам не едет.
Спицы ходят по стене.
Утопая, на спине,
мы лежим на самом дне.

Наверху скользнула лодка,
доски днища ходко-ходко.
Тень склонилась над водой.
Кто в рубашке голубой?
Он в рубашке голубой.

Вон как волны дышат ровно,
и колеблется, огромно,
слабо светит статус кво.
Птичка щелкает подробно,
не упустит ничего.

Дно неровное покато,
сердце выросло, как вата.
Соскользая со стены,
спицы сыплются заката —
и выходят из спины.

Ты о чем, ундина, стонешь?
Не посмеешь, нет, не тронешь.
Смотрит в воду — что с того?
Есть защита у тебя,
нет защиты у него

День

Расслабленное лето — как лицо
Задумавшегося, о лице забывшего,
Как шелковый платок, течет в кольцо.

Но вдруг часы пробьют и разобьются
И снова медленно, так быстро воск течет
В подставленное небольшое блюдо.

Чуть пыльное, в неряшливой пылице,
До сумерек сухое, до поливки,
Едва моргнешь — оно уже в кольце.

В сумерках

...Прошлой ночью — страхи-пряжи,
позавчера тоже крохи
собирали, вот и поза-
позавчера сны неряхи —

рыбки мелкие — сновали
по ребристой твердой мели,
всё напряли и связали,
всё, несмелые, посмели.

А сегодня день на грани,
жемчуг сумерек в стакане,
остывающий, молчащий,
дом похож на поле брани.

Света стан, стакан граненый,
дом, к пучине накрененный,
металлические вещи
тают сталью вороненой.

Дело в пуле, не в калибре.
Дни попадают, как кегли.
Стебли никнут, петли скрипнут,
на груди молчит колибри.

Паче плахи — оплеухи.
Безнадежно речи плохи.
Кто и мухи не обидит —
удивляется разрухе.

Кот приносит вещь из сада —
поиграть немного в Сада.
Ночь — моя, а дни чужие,
а чужого мне не надо.

День упавший, как заколка,
в ночь с подкладкою из шелка...
Нитка жемчуга порвалась,
было крупно — стало мелко,

было глубоко и грустно,
стало холодно и быстро.
Жизни долгой голос нежный
возвращается напрасно.

Потому что

потому что тебя я полулюблю, потому что, в стенку влипая, сплю,
потому и створка, створку скребя, сердце скрепя,
не найдет себя

потому что уже не считать до ста, раковина, мой друг, пуста,
потому что уже поостыла печь, но квадрат загорелых плеч
в траве выжигает плешь

потому что, темнея на простыне, тлеешь еще во мне,
потому что горло скребет прости, потому что мне до тебя расти,
а тебе меня не найти

ибо просто так в своих не палят, друг, поздно считать цыплят
потому что к спине еще льнет ладонь, потому что ее ледяной огонь —
не полымя: полуогонь

потому что черен простолюдин, я одна, ты один
потому что теперь одному грести,
но ты не веришь в «прости»

На простынях

1

лопатов весла
    бороздящий лед огонь
        пожалуйста табань табань табань

льняные льдины без морщин и складок
    соскальзывают чресла
        сладок сладок сладок

коричнев сумрак комнаты ночной
    как совы страшные следят из темных сумок
        как будто бы родители со мной

у той стены — спят — руку протяни:
    за шторой лодка прячется в тени,
        рубашки узел полюбви тесемок

зубами погрызи
    еще чуть чуть — отвяжется она сама собой

2

черные слитки воды в воде
видишь в своей ледовитой постели просто не знаешь где
как глубоко

— Я — «Магеллан» — не дошел до цели
— Я — «Магадан» — остается в щели — вьется воды год или два
на волосок
просто не знаю где

Двое

Похоронили матерей,
на мартовском ветру стояли.
И смысл, и волю потеряли
и сделали себя старей.
Осталась я у них одна
на всем жестокосердном свете.
И ни оврага, ни холма —
лишь ровный голос на кассете
с небес не толще полотна.

Четыре нежные руки
меня отрывисто касались.
Ключицы скрипнули, раскрылись,
и сердце треснуло, как наст.
Пока неслась дневная мгла,
пока мело по снежной мели —
я б их оставить не могла.
Я им была как мать, не мене —
но Господи, как я мала.

Греми же, мартовская жесьь,
жестоковыйные морозы!
Больней любовь на свете есть
горящей на щеке угрозы —
слепая ласковая лесьь.
Разлука выпорхнет — и во
все концы! — не оттого ли,
что смысла нет в добытой воле?
Но и в неволе нет его.

Строфы. В новом свете

У нас в городе всего немного.
Сошел с автобуса — вот тебе синагога
с витражами. А там и всяких церквей, и щеток-
лужаек с двумя этажами.

Даже летом к вечеру тихо, считай: не пьяно.
Имя города: Ясна Поляна.
А главная улица Ясной Поляны —
Вроде как улица Ленина — улица Ясной Поляны.

Если по ней до конца на запад — там парк с флагом и обелиском.
Летом наливают бассейн, песчаный и с лунным блеском.
А дальше река Пассаик, хоть, конечно, не Волга.
Не буду издалека, но тут я жила долго. Может быть, слишком долго.

Текла-река тихо, а иногда и валко.
А потом все смешалось, я затеяла свалку:
дом взорвала, всех убила — и переехала на восток
по Улице Ясной Поляны. Как оказалось, тут тоже имеется лес. Так

я перемещаюсь временами в пространстве. Нет калитки
чтоб скрипела — но нет и клетки.
Пианино продали. Стихи-жалейки
хожу терзать теперь на чужой лужайке.

Дочь закончила школу. Читает и говорит
по-русски.
Яблоко ест, как я — целиком, с огрызком.
Но на щеке звезда у нее горит.

Небо, Ваше высочество,
поле, Ваше величество,
не переходите на личности —
зачем вам мое отчество?

Считайте меня горошиной,
вы все-таки не полиция.
Дайте побыть безлицею,
бесчувственную, скукоженную.

Периной прикрытой, ласкою
снежка — но деталью, заданной
поверхности. Вдруг угаданной
— и ни черты под маскою.

Зазубриной, заусеницей
на убранном поле, резкостью
вскрытой на снимке местности,
где больше никто не селится.

Чтоб ни черты под именем.
В пейзаже отменной ровности —
глядящей на вас подробностью,
свербящей: ну подыми меня.

Над пашней. Без тебя

Это тебе прогудит дыра,
ноль, ноющая пустота:
все, пора, иду со двора.
Песня моя проста.

Это, волнуясь, тебе зюйд-вест,
быстрый курсив борозд.
Ветер над нивой несет невест,
на голубой норд-ост.

Значит, это еще на год,
зимний голодный год.
Наше солнце встает, Урон.
Ветер несет ворон.

Даль обретает твои черты,
тратит твои черты.
Не отчаивайся, молю! —
ноль прогудит нулю.

Даль подмигивает: мол, ну,
я хорошо видна?
Я отпускаю к тебе волну —
полой идет волна.

Ангел мой, как ее ни спой —
ввысь норовит, наверх.
Песня приходит к тебе пустой,
тонкий пустой конверт.

III. КОНЕЦ МИФА

А у нас, Никола́, ни кола, ни двора, но, мой свет, собираться пора.
И неважно куда, ибо да, Никола, тут дыра, говорю, там дыра.

А над нами нора — ах, какая нора! — только рано туда, до поры,
да над нами вдали — голубая гора — не полечь бы под этой горой.

То, что было со мной, стало нынче не мной, скоро будет какой-то рассвет.
Вон, как снег, изумленно блестит под луной голубой, голубой антрацит.

И не витязи мы, от зимы до зимы по железной равнине скользя,
но отстать от себя — это будем не мы, нам с тобою такого нельзя.

Наша песня стара: выдавай на гора, разворачивай недра с утра,
а под нами гудит голубое ядро, но дотуда добраться хитро.

А дотронусь до теплой рубашки — там ты сквозь негромкую темную ткань,
и волна золотая заходит в ладонь, твой родной негасимый огонь.

Там горячее узкое тело твое, там земная гудящая ось,
и железо, и никель в ядре голубом, и неоновый стержень насквозь.

Это пламя двойное из печи двойной и в отверстую грудь из груди,
и зияет обрыв у меня за спиной — все-то, значит, у нас впереди.

Повесть

В лиственничнике,
в сосняке,
на лестничном сквозняке
было мне-
ну больно.
А у вас свет горел, вбивал клин под дверь.

А за дверью вы были,
ты был —
ух ты, как твердый знак,
стоял, как ель или пихта!
А моя жизнь крошилась, мел, лифт ходил,
гремел,
падал в шахту.

Было — ну и былъем.
Ну, не было нам вдвоем —
что ж теперь.
Было и увело, ну, увело —
сразу набело.
Свет бежит, реку рябя.

Я в дверях стою, я тебя люблю,
я вернулась.
Сумерки. Мы
в подъезде твоём,
на лестничном сквозняке —
тут до темна светло, точно в березняке.

Осень в дубовых лесах

Любовь дареная

— как ты, Люба,
поникла! лютик

в стакане с меткой
присохшей пасты

— помет

пролетных чаек над причалом
мазки завязтых маринистов
перил белила
парапет

— Нет

на сердце ее — ищи свищи

иди насвистывай Причал

Ты помнишь «Осень» Казакова?

Ну ж, накрывай на стол,

встречай подругу Нелюбовь.

Рифма

Как женщина, негромкая с утра,
с пергаментными нежными тенями —
ты, рифма бедная,
любой
дороже и лихой, и небывалой.

Она стоит в халатике цветном
на кухне, освещенной первым снегом,
единственная —
и своей
не сознает, сжимая сердце, силы.

Пойдем

Пойдем туда, где реки тверды,
где от беды
не отбирают шнурки, ремень.
Там я буду тебе опора
я буду тебе кремень.

Видимо, нужен какой-то край
земли, воды,
где обрывается каравай,
где опадает дверь.
Скоро нас будет два, нас будет две.

Ты раньше меня пришел, и глаза открыл.
Над тобой тотем
молчал — сиял волчих созвездий круг
и посреди горел
желтый огонь. Долго ты был один, затем

(один — и сквозь стрехи пихт
смотрел наверх на
нетронутый кобальт — черно-лиловый снег —
рваных небес края)
затем появилась я.

Пойдем туда, где, будто выпал снег,
звезда нема,
и музыка, губ гармонь
немы там, где откос небес,
там, увидишь, ты станешь опять кремень.

В черной коробочке тверже алмаза лед,
он оставляет след,
Господи, на Твоей шкале —
талой воды алмаз,
наискось падая, гаснет, сгорая в лес.

Как ни царапай сердце лес — в лесу
нам жить теперь, друг мой.
На отчужденья полосу
приду я, как домой.

С волками я молчать, и ты не выть,
и ты учись молчать.
По-волчьи знать, по-птичьи пить
и больше гнезд не вить.

Круг

Так долго вместе прожили...

И.Б.

Мы прожили почти... Но в круге
нас не было, мы были за
— в моей Твери, твоей Калуге
— в твоей Твери, моей Калуге,
в начале, то есть в эпилоге
в окне твердела бирюза.

Нас прочило друг другу столько
вещей, добытых не трудом...
И эта шаткая постройка
уже постольку стала: дом.

Мы прожили... Прожи́ли. То и
останется, что сможет — без.
И кто те слившиеся двое,
не поделившие небес?

Не жнец, не жрец, не спец, не пятикнижник —
но у меня есть стебелек-треножник:
колеблющийся стебель над трясиной,
с одной лишь песнью ломкою, осенней,
с неловкой остью, с талией осинной.

Памяти Ольги Орловой

Нет грифеля жирней, черней карандаша,
нет угля голубей, нет лиловой портала.
Что вспомнят о тебе, летящая душа?
О том, что ты страдала.

Но это все не то, но это все не то.
— Не бросить, не забыть ни дела, ни полдела.
Что знает о себе, работой занята,
святая прямота, помедлив у предела?

Чем занят резкий луч, взмывающий в зенит?
Что уже знает он, голубизны заочник?
Заботою — какой — теперешней звенит
ашкеназийский твой горячий позвоночник?

...Тарелки перемыть, стол вытереть, и все
большие разложить и крошечные фото,
с косою и без косою, на взморье, на косе —
такого просто нет, чтоб не узнать кого-то!

— И дети, и друзья, и те семья с семьей,
и дальние друзья, и близкие поэты —
что помнишь ты о нас, склоняясь над землей,
как с белого к волне свисая парапета?

Конец мифа

Остались Маша, и Сережа,
и Оля.
Бабушка и ты.
А *голос крови* — он все реже. А больше кто еще? Никто.

Остался только голос края
неназванного,
где без слез
она летит, как будто знает, сквозь трудный воздух-плексиглаз —

душа
случайная родная
услышала невнятный зов —
а ночью звезды собирают в корзины из горячих лоз.

Страх

ну боюсь — да — тронуть кору под ней гром дробь
не хочу я дуричь кровь
дарить гроб

пойми таволга так бежит к пойме полнит ров
как полно уж провалов полнила
прости Го

ведь не мой а хотя бы и мой был
ну как трону крыло от грозы мокро
молнией бело

не в орла корм — вода ведь — ну как войду?
как войду воля твоя как пробью
в крыле дыру?

а как там будет так уж и не помнится
как будто не будет
как вылюбишь так оно вновь наполнится
как светом бред

уйду сбегу сойду пока не поздно ведь
пока не добела
не все ведь до конца до краю вон доведь
в пешки сбегла

пока не полностью не мы не выпиты
сомкни створки страсть
сбеги уйди на волю выкипи
не трать не трать

пешком по лугу хорошо мне снизу вверх
где ты летишь сам-друг
на страсти облачны тысячны туч заварух
на вышний луг

на великолепие крыл твоих внутренних
изнанку словых снов
на махом машучи ночных ли утренних
но темных слов

ведь ты все знаешь сам она и вглубь не вещь
как ни была б родна
как ни люби ее вовек не вылюбишь
как день до дна

что мальчик местечковый молчаливый
с глазами удивленными ко мне? —
иди ко мне

каменей неперевернутых условий
почти не остается даже слов что слов! —
узлов

не перерубленных загубленных сметенных
не тронутых не знающих суда
иди сюда

я научусь не знать вины у темных
черней черты оседлости черней
не знать о ней

небывшее становится не бывшим
а бóльшим так что уже больней не быть
когда-нибудь

я тоже разучусь тягаться с прошлым
пока ж во мне стоит не тает куб
дай губ

талое в горячечных рассказах
объятья вжим — скорлупка в скорлупе —
идти к тебе

сквозь треск существованья из запазух
чащобы непролазом в дым родства
в рост в Днестр костра

седьмая сказка

он нравился бабам она мужикам
но так они нравились скажем
другу другу
что больше уже ни о ком

и что — непонятно но видимо в ней
и в нем что-то было такое —
тревога
бежала по кронам семей

топтаться поодаль держаться вдали
им было привычно — об этом
и речь-то —
их было легко развели

покуда в двенадцатый год и ручей
дванадцать рук не тянулись
вслепую
в листовую дощатую ночь

провавшие дамбу пока не смели
смешные картонные створки
в июле
и некого стало беречь

друг другом напиться они не смогли
и оба погибли от жажды
и дважды
и трижды за летнюю ночь

Треножник мой, качаясь на болоте,
немыслимый на месте
посусветней,
застигнутый в неначатом полете
меж тиной и галактикой соседней,

треножник мой, колеблемый в осоке,
в печали камышовой,
тростниковой,
не замшевый, не, как они, высокий,
но, как они, тревожный, нетолковый,

треножник мой, с повадкой неземною,
как мыслящий, качаясь
над трясиной...
Не можешь ты расстаться не со мною:
с угрюмым светом, с песнею осенней.

К северу

не оглядывайся как прокричит
триста семь триста следом восьмому перестраиваясь в длинную
V с острием к востоку
запятая
под мокрым плащом громового оттенка

забывая
теплую в чаше утробу пруда
уже
каждой осенью под колеблемым панцирем ряски
вздымание звездчатой изумрудной
дрожание слизи

не раздумывай где зимовать зимовать
отзывается триста девять последний в ряду
о сквозной треугольник Паскаля дай пойду посмотрю еще раз
дай сочту
все три тысячи тундровых гуру

Миф

О. В.

Почти ничего не случилось на сетке воды
Прогнулось вот тут пробежали шаги плавунца
коленки и щиколотки голень блеснула как леска и вот
прогнулся батут и подвинулся вправо листок
порвалась поверхность вошел наконечник стрелы

и все тяжелея перо порузилось на треть
Подуло У берега полусклонилась трава
Плеснуло у ветки Сверкнул в середине восток
Как долго зевок за сокровищем в грот собирался
Ушел и в лощине слеза
Еще ничего не случилось и может еще не случится

Зола на ладони уже холоднее ладони Ого
ликующий лектор указку луча словно леску
закинул до этого берега вон до хитиновой чьей-то скорлупки
уже не касаясь ячеек воды серебрящей глаза за леса
Лесой исчертил проводами поднявшийся воздух

Как год тому назад. Waterford

название индейской реки
это соленое устье
мост
дрожащий на горле залива в ночи
мучительной рыжей цепочкой

а наутро
невидимый
в эти дни на другом берегу
умирала Марина а Саше
оставалась лишь осень

под утро
прилив
тихий бор
подходит прямо к воде
и трогает воду

в доме чужом снится воздух
свет
из распахнутых окон
пустая окраина русский
город на Ч

снится строка
я читала его целый день
словно она БР
только вымолвленная
ничья

Гобелен

Спала, как догоняла, как неслась.
А жизнь моя невдалеке паслась,
не помня обо мне — и слава Богу.
Спустилась в воду я и перешла дорогу.

Смеркалось, и мешался снег с дождем,
грузовики мешали грязь со всем,
гремели тяжело, вжимаясь в слякоть,
— и высвободила локоть.

Там, за спиною, жизнь моя текла
так быстро-медленно, как будто я ткала
ребристый гобелен ее, с поляной,
ручьём и рощицей, и резкий возглас пьяный.

То ангелы — не молния — сверкнув
крылом, скользнули в тучи — я рукав
не доткала один, не довязала —
и тем крылом я горизонт взяла.

Я жизнь опередила — и за край
земли, склонившись быстро — крой
увидела, и в петельках изнанку —
и удивилась тесноте родной.

Содержание

РАЗНОЧИНЕЦ ПЕРВЫЙ СНЕГ

и другие стихотворения

I. ЗАПАДНЫЙ ПОЛЮС

То, что было со мной...	6
Улыбка. 24 декабря 2003 года	7
Лодка, на рассвете	8
Фильм	9
Ода	10
В краю, где трудно сказать “еврей”	12
Вражда	13
Вот идёт...	14
Разночинец первый снег...	15
Зелёные стихи	16
Ли Цы и Ли Цо	17
Ночью смотрю на восточную стену	18
Ночная песня	19
Месяц растущий	20
Стихи для детей	21
Заря в городе	22
Двум поэтам	23
На границе	24
Присутствие	25
Шесть (нет, семь) отрывков	26
Моя фамилия с русалочьим хвостом...	33
Ибо любая вода...	35
В волнах	36
В поле	37

II. НОЧНАЯ ТРАВА

На тему Бредбери	40
Ручей, впадающий в прохладный узкий пруд...	42
Пётр и Павел час убавил...	43
Новолуние	45
Луна	46
Ночь	47
Комната на закате	48
День	49
В сумерках	50
Перед грозой	52
Потому что	53
На простынях	54

Двое	56
Строфы. В новом свете	57
Небо, Ваше высочество... ..	58
Над пашней. Без тебя	59

III. КОНЕЦ МИФА

А у нас, Никола... ..	62
Повесть	63
Осень в дубовых лесах	64
Рифма	65
Пойдём	66
Как ни царапай сердце лес... ..	67
Круг	68
Не жнец, не жрец, не спец, не пятикнижник... ..	69
Памяти Ольги Орловой	70
Конец мифа	71
Страх	72
А как там будет, так уж и не помнится... ..	73
Что, мальчик местечковый молчаливый... ..	74
Седьмая сказка	75
Треножник мой, качаясь на болоте... ..	76
К северу	77
Миф	78
Как год тому назад. Waterford	79
Гобелен	80

СТОСВЕТ
БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА “СТОРОНЫ СВЕТА”

<http://www.stosvet.net>
books@stosvet.net

Подписано в печать 01.2009
Нью-Йорк
США